

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

К 200-летию
Азиатского Музея —
Института восточных
рукописей РАН

Наука —
Восточная литература
2017

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

Том 14, № 3

осень

2017

Журнал основан в 2004 году

Выходит 4 раза в год

Выпуск 30

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. **И.Ф. Попова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

Заместитель главного редактора к.и.н. **Т.А. Пан** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

Секретарь к.ф.н. **Е.В. Танонова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.ф.н. **С.М. Аникеева** (Москва, изд-во «Наука — Восточная литература»)

акад. РАН **Б.В. Базаров** (Улан-Удэ, ИМБТ СО РАН)

проф. **Х. Валравенс** (Германия, Берлинская государственная библиотека)

чл.-корр. РАН **В.И. Васильев** (Москва, РАН)

О.В. Васильева (Санкт-Петербург, РНБ)

д.и.н. **М.И. Воробьева-Десятовская** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **А.П. Деревянко** (Новосибирск, ИАЭТ СО РАН)

к.ф.н. **Ю.А. Иоаннесян** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

д.и.н. **А.И. Колесников** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **А.Б. Куделин** (Москва, ИМЛИ РАН)

к.и.н. **К.Г. Маранджян** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **В.С. Мясников** (Москва, ИДВ РАН)

проф. **Не Хуньинь** (КНР, Пекин, Ин-т этнологии и антропологии АОН КНР)

чл.-корр. РАН **А.И. Османов** (Махачкала, ИИАЭ ДНЦ РАН)

к.и.н. **С.М. Прозоров** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

проф. **Н. Симс-Вильямс** (Великобритания, Лондонский университет)

проф. **Таката Токио** (Япония, Университет Киото)

акад. РАН **С.Л. Тихвинский** (Москва, ИДВ РАН)

Н.О. Чехович (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.ф.н. **Н.С. Яхонтова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- А.И. Колесников.* Миниатюры и тексты в альбоме Е 28 из собрания ИВР РАН **5**

ИССЛЕДОВАНИЯ

- Н.В. Козырева.* Южная Месопотамия при последних царях династии Хаммурапи: "moving around Babylon" **28**

- Ю.А. Иоаннесян.* Продолженное время с глаголом «иметь» как особенность западноиранских диалектов на территории Ирана **44**

- В.М. Рыбаков.* Нормативная база обслуживания августейших особ в Танском Китае. Часть 1. Лечение, питание **54**

- С.Л. Бурмистров.* Гимны Шанкары: проблема авторства, философские аспекты и религиозные практики **69**

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- С.М. Якерсон.* Посвящения в еврейских рукописях как источник информации и дезинформации **85**

- М.А. Козинцев, С.А. Французов.* Двухязычная отрицательная рецензия на полях рукописного арабо-христианского трактата по метеорологии **97**

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

- А.В. Зорин.* Некоторые материалы по тибетологии из фонда Б.И. Панкратова в АВ ИВР РАН. Часть 1. Материалы по тибетско-монгольской иконографии **105**

- Тамура Масато, Судзуки Кэндзи.* Японские книги из сахалинских библиотек в ИВР РАН. Предисловие, перевод с японского языка *К.Г. Маранджян* **121**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Т.В. Ермакова.* Конференция «Актуальные проблемы буддологических исследований» (Санкт-Петербург, 20 февраля 2017 г.) **131**

- И.В. Богданов.* Общество и культура Древнего Востока: II Конференция памяти В.А. Якобсона (Санкт-Петербург, 14–15 марта 2017 г.) **134**

- Т.А. Пан.* 2-я Всероссийская научная конференция молодых востоковедов «Китай и соседи» (Санкт-Петербург, 16–17 марта 2017 г.) **139**

РЕЦЕНЗИИ

- The Thirteenth Dalai Lama on the Run (1904–1906). Archival Documents from Mongolia / Ed. by Sampildondov Chuluun, Uradyn E. Bulag. — Leiden; Boston: Brill, 2013 (Brill's Inner Asia Archive. 1). — XXVIII, 598 pp. (*Т.А. Пан*) **142**

- Mitteliranische Handschriften. Teil 2: Berliner Turfanfragmente buddhistischen Inhalts in soghdischer Schrift, beschrieben von Christiane Reck. — Stuttgart: Franz Steiner Verlag. — 2016 (VOHD; XVIII,2). — 473 S. (*О.М. Чунакова*) **145**

IN MEMORIAM

- Анна Аркадьевна Искоз-Долинина (*С.Ю. Гинцбург*) **150**

На четвертой стороне обложки:

Икона Падма-Махешвары (форма Хаягривы). АВ ИВР РАН. Ф. 145. Оп. 1. Ед. хр. 192

Продолженное время с глаголом «иметь» как особенность западноиранских диалектов на территории Ирана

Ю.А. Иоаннесян

Институт восточных рукописей РАН

В статье рассматриваются глагольные формы в персидских и иранских диалектах на территории Ирана с глаголом «иметь», выражающие действие, протекающее в данный момент времени в настоящем или в определенный момент времени в прошлом. На широком материале персидского и других западноиранских языков и диалектов автор доказывает, что эти формы представляют собой исключительную особенность массива персидских и некоторых других западноиранских диалектов, распространение которых ограничено территорией современного Ирана. Они явились следствием естественной эволюции лексических и грамматических средств выражения самого персидского языка, и их возникновение не может быть объяснено «влиянием иностранных языков», как предполагают некоторые исследователи.

Ключевые слова: персидский язык, персидская диалектология, иранская диалектология.

Статья поступила в редакцию 26.02.2017.

Иоаннесян Юлий Аркадьевич, канд. филологических наук, старший научный сотрудник Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (youli19@gmail.com).

© Иоаннесян Ю.А., 2016

Многим западноиранским языкам и диалектам присущи глагольные формы, выражающие действие, протекающее в данный момент времени в настоящем или в определенный момент времени в прошлом. Формы эти получили различные названия в иранистической литературе, в которой они нередко выделяются в два особых времени: «настоящее продолженное (определенное) время» и «прошедшее продолженное (определенное) время» или «настоящее определенное/прогрессивное» и «прошедшее определенное/прогрессивное» (см. Основы иранского языкознания 1982: 181, 433). Поскольку по сравнению с настоящим-будущим и прошедшим длительными временами их отличает особый упор на выражение действия в *процессе* его совершения, то правомерным, по нашему мнению, также было бы называть эти формы «настоящим процессуальным» и «прошедшим процессуальным» временами¹. В данной же статье мы будем использовать для них термины «настоящее длительное процессуальное время»

¹ Так, прошедшее длительное время в персидском языке может передавать кроме собственно длительного и многократно повторявшееся действие.

и «прошедшее длительное процессуальное время» или (при обобщенной характеристике) — «длительные процессуальные формы». Следует подчеркнуть, что формы эти в западноиранских языках и диалектах рассматриваются в иранистической литературе как «инновационные» (Там же: 181–183), о чем еще будет сказано ниже.

Длительные процессуальные формы имеют широкое распространение в языках персидском, дари и таджикском, включая их диалекты. В персидском и дари они особенно характерны для неформальной речи и практически не встречаются в официальном стиле. В таджикском эти времена образуются от неизменяемого по лицам и числам причастия смыслового глагола и личной формы перфекта или преждепрошедшего времени вспомогательного глагола *istodan* «стоять, пребывать»: *karda istodaam u karda istoda budam* — 1 л. ед.ч. настоящего и прошедшего длительного процессуального времен глагола «делать» и т.п. (Там же: 181–182)².

В современном дари для выражения того же значения используются формы, также образованные от неизменяемого по лицам и числам причастия смыслового глагола. Но, в отличие от таджикского языка, вспомогательным глаголом здесь служит не *istodan*, а *raftan* — «идти», изменяющийся по лицам и числам. Последний может выступать в форме настояще-будущего и прошедшего времени в зависимости от того, относится ли выражаемое им действие к настоящему моменту или к определенному моменту в прошлом: *čerâ larzida mêri?* — «почему ты дрожишь?»³, *tamâm-e šaw Šânâma xânda raftom...* — « всю ночь я читал Шах-наме...» (Фархади 1974: 129–130). При этом в дари существует и менее распространенная альтернативная длительная процессуальная форма с использованием вместо глагола *raftan* сложно-именного глагола *râyi* (лит. *râhi*) *budan* с тем же значением: *dida mêtên = dida râyi'sten*⁴ «вы видите» (Там же: 125). Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на то что в языках дари и таджикском употребляются разные вспомогательные глаголы, их объединяет и общая черта — смысловой глагол в обоих выступает в виде причастия.

На территории Ирана в персидских и близкородственных им иранских диалектах также широко распространены длительные процессуальные формы для настоящего и прошедшего времен. Отличие последних от вышеописанных состоит в том, что для их образования используются глагол *dâštân* («иметь») соответствующего времени (настояще-будущего или простого прошедшего), лица и числа и личная форма (а не причастие) смыслового глагола, ср., например, в тегеранском диалекте: *mân dârâm mixorâm* — «я ем», *to dâšši (<dâšti) mixundi (<mixândi)* — «ты читал» (Пейсиков 1960: 76–77)⁵.

Едва ли не первым из европейских исследователей, кто обратил внимание на эти формы в персидских диалектах, был В.А. Жуковский. Так, в 80-х годах XIX в. он писал: «В персидском разговорном языке, как в некоторых современных персидских наречиях, глагол داشتن кроме обыкновенного значения „иметь“... имеет особенное значение, которого в литературном языке... у него нет» (Жуковский 1888: 376). Исследователь выделил две функции у этих временных форм: 1) сочетание аориста глагола *dâštân*, стоящего перед смысловым глаголом настояще-будущего времени, «придает последнему значение такого будущего времени, которое должно совершиться

² Транскрипция изменена.

³ Здесь и ниже примеры из языка дари приводятся по книге Р. Фархади в слегка измененной транскрипции.

⁴ *Râyi'sten* < *râyi* + (h)astên.

⁵ Здесь и ниже транскрипция автора слегка изменена.

немедленно; стало быть... напоминает во французском языке настоящее время от *aller...*); 2) глагол *dâštân* в прошедшем времени «перед Praeteritum'ом... другого глагола, придает последнему значение такого прошедшего, которое только что свершилось — во французском настоящее от *venir de...*» (Там же: 376). Исследователь приводит примеры из обыденной речи: *دارم میام* — «сейчас приду!», *داشت رفت بازار* — «он сейчас (только что, вот-вот) ушел на базар» и образец народной поэзии (сатиры):

اینها همه دُرُس شد حاکم طهران اُروس شد
 گُلونل آمد از راه لَمسه پولیس ساز میزنه داره میرقصه

Все это пришло в порядок:

Губернатор[ом] Тегерана стал русский,

Колонел (полковник) пришел из Неметчины (т.е. Австрии. — Ю.А.),

Полиция играет на музыке (sic), вот-вот запляшет.

(Жуковский 1888: 376–377; Жуковский 1902: 250).

Признавая несомненную заслугу Валентина Алексеевича в том, что он обратил внимание на данные глагольные формы на заре исследований в области персидской диалектологии, отметим, что их грамматическое значение было определено им неверно, на что справедливо указала, в частности, А.З. Розенфельд, которая писала: «...и примеры, приводимые В.А. Жуковским в вышеупомянутой статье, следует переводить не будущим, а настоящим временем... не „сейчас приду“, а „иду“. Так же и в следующем примере из народной базарной сатиры... „пляшет (сейчас)“, т.е. „полиция играет и пляшет“» (Розенфельд 1948: 308).

С А.З. Розенфельд солидаризовался и Л.С. Пейсиков. В своей монографии о тегеранском диалекте он писал: «В.А. Жуковский отмечал... что сочетания с *داشتن* имеют значение ближайшего будущего времени... Вывод В.А. Жуковского слишком „широк“, хотя оттенок ближайшего будущего иногда имеет место... Так, на призыв „Иди сюда“ можно ответить „*Dârâm miyâm*“... „Сейчас приду“, однако в другой ситуации... „*Dârâm miyâm dige!*“ [будет означать] „Я ведь иду!“...» (Пейсиков 1960: 77). Пример *dâre miraxse...*, справедливо указывает Л.С. Пейсиков, истолкован у В.А. Жуковского не совсем верно: не «вот-вот запляшет», а «(он) приплясывает». Упомянутый автор делает следующий общий вывод: «Отмеченная В.А. Жуковским особенность глагола *dâštân*, соответствующая, по его мнению, французскому „ближне“ — прошедшему времени от *venir de* с инфинитивом спрягаемого глагола, записанными мною разговорными примерами, а также многочисленными примерами из современной литературы не подтверждается. Пример В.А. Жуковского (*داشت رفت بازار*) не ясен, так как *dâštân* вообще не может стоять перед прошедшей совершенной формой спрягаемого глагола. В связи с этим не удалось также обнаружить оттенка, соответствующего французскому *Passé antérieur*» (Там же: 78). Общее значение этой глагольной формы в настоящем времени Л.С. Пейсиков определяет как соответствующее английскому *Present Continuous* (Там же: 76).

Описанные выше глагольные формы привлекли внимание и иранских лингвистов. Так, автор основательного исследования по бирджанскому говору (одному из южно-хорасанских диалектов персидского) Дж. Резаи (J. Rezaee) не только отказывает им в законном праве на существование в этом говоре, но и полагает их возникшими в персидском «недавно» и под влиянием европейских (!) языков, а появление их в речи

носителей данного диалекта объясняет желанием «соответствовать нормам современного персидского языка»⁶. Такой взгляд на ситуацию вызывает недоумение. Во-первых, как справедливо отмечает Н. Нематоллахи в своей статье на данную тему, ни в одном из известных иранцам иностранных языков, включая английский, французский, немецкий и русский, такого времени не существует. Отвергая идею заимствования этих конструкций, она исходит из того, что их отсутствие в указанных языках исключает возможность их появления в персидском под влиянием извне (Nematollahi 2015: 104). Во-вторых, данные временные формы стали фиксироваться исследователями в конце XIX — начале XX в. не только во многих персидских, т.е. диалектах юго-западного типа, но и в северо-западных иранских диалектах, и в так называемых «диалектах Центрального Ирана», объединяющихся с северо-западными рядом общих признаков. При этом исследователи, отмечавшие эти формы на стыке XIX–XX вв., собирали свои материалы среди преимущественно неграмотного и малограмотного населения тогдашней Персии, едва ли подверженного влиянию европейских языков. Так, подобные конструкции отмечены у В.А. Жуковского, чьи полевые исследования по различным диалектам относятся к 80-м годам XIX в.⁷, и у В.А. Иванова (W. Ivanow) и Д.Л. Лоримера (D.L. Lorimer) в говорах зороастрийцев Йезда и Кермана (см. ниже). Крайне знаменательно употребление данного времени в мазандеранском языке. Тезис о появлении этих глагольных форм «под влиянием переводов с европейских языков» выглядит еще менее убедительным на фоне ранней фиксации их употребления в северо-западных иранских диалектах и в тесно связанных с ними так называемых «диалектах Центрального Ирана». Поскольку подробное рассмотрение примеров выходит за рамки настоящей работы, ограничимся ниже лишь некоторыми.

Помимо приведенных В.А. Жуковским и процитированных нами выше образцов персидской разговорной речи и народного творчества, в которых фигурируют интересующие нас глагольные формы, этот исследователь в той же статье отмечает аналогичную конструкцию в переделке *gazali* Хафиза на наречии деревни Кафрон недалеко от Исфахана. В ней словам поэта *فرباد رسی می آید* — «помощник вот-вот придет» соответствует: *feriyōd-rés-ī dōrū-yūe*⁸ (Жуковский 1888: 377). Подобные же формы имеются в говоре деревни Седе, расположенной также поблизости от Исфахана, ср.: *dātom-o šaame* — «я шел (в какой-то определенный момент времени)» (Основы иранского языкознания 1997: 320), — и в диалектах евреев Исфахана, если судить по текстам, опубликованным Р. Абрамяном (R. Abrahamian): *Tu fekr dārbo, bišti ye ra'yet dāru ālef činive* — «Il était dans ses pensées quand il vit un peysan moissonner son champ» [«он погрузился в свои мысли, когда увидел какого-то крестьянина, который собирает траву»] (Abrahamian 1936: 73, 104). Аналогичное время с диалектным вариантом глагола «иметь» — *dūrtwun* представлено в говорах зороастрийцев Йезда и Кермана:

⁶ Буквально данный автор пишет следующее: «بیگمان ... داشتتم مرگم» ... «اگر اکنون کسی چنین فعلی به کار ببرد و مثلاً بگوید "داشتم مرگم" ... در خود زبان فارسی نیز چنین کاربردی تازگی دارد و یقین از زیر تأثیر زبان فارسی کنونی چنین کارواژه ای بر زبان خواهد راند، با آن که ... در خود زبان فارسی نیز چنین کاربردی تازگی دارد و یقین از طریق ترجمه از زبانهای اروپایی به این زبان راه یافته است (Rezaee 1998: 279) — «Если сегодня кто-то употребит такую глагольную [форму], например, скажет: *dāstom maraftom*..., то, несомненно, сделает это под влиянием современного персидского языка, несмотря на то... что и в самом [нормативном] персидском языке она представляет собой новшество, которое, безусловно, попало в этот язык под влиянием переводов с европейских языков» (пер. наш).

⁷ Ученый собирал материалы в 1883–1886 гг.

⁸ Транскрипция заменена на латинскую с сохранением принципа транскрибирования автора, за исключением постановки ударения.

me 'dûre 'rase — соответствует литературному персидскому: *man dâram miräsäm, ta' dûri 'rasi* — *to dâri miräsi* и т.п. Ср. соответствующие формы прошедшего времени: *me 'dûrte 'rasûde, ta 'dûrti 'rasûdi* и т.п. (Ivanow 1940, 80–81)⁹. В мазандеранском языке также имеются настоящее и прошедшее длительные процессуальные времена с тем же вспомогательным глаголом: *dôrme neviseme* — «я пишу (сейчас)», *dorni neviseni* — «ты пишешь», *dâšti nevéšti* — «ты писал (в данное время)», *dâšte nevéšte* — «он писал» и т.п. (Основы иранского языкознания 1982: 538–539)¹⁰. Особо подчеркнем, что приведенные выше примеры иллюстрируют употребление этих форм не в диалектах юго-западного типа, а в северо-западных (включая так называемые «диалекты Центрального Ирана»).

Спорным выглядит и утверждение Резаи о том, что современные носители южно-хорасанских (а может, и вообще хорасанских) говоров на территории Ирана употребляют данные конструкции «исключительно под влиянием современного персидского языка». Так, описывая особенности персидских диалектов Хорасана на заре XX столетия, В.А. Иванов писал: «Общей чертой разговорной речи по всей Персии выступает использование глагола *dâshtan* в настоящем времени для выражения действия в процессе его совершения: *dârâ muknâ* — он сейчас делает» (Ivanow 1925: 253)¹¹. Правда, в самих хорасанских текстах, опубликованных В.А. Ивановым, данных форм нам обнаружить не удалось, но последнее должно объясняться особенностью самих текстов — сказаний и четверостиший, тогда как употребление интересующих нас конструкций более характерно для текстов бытового содержания, не представленных в хорасанских материалах В.А. Иванова. Однако и сама констатация факта этим выдающимся исследователем и знатоком диалектов Хорасана, хотя и проиллюстрированного им единичным примером, есть важное свидетельство использования длительных процессуальных форм в данных диалектах по крайней мере уже на стыке XIX–XX вв.

По нашим наблюдениям, в современном говоре г. Мешхеда — центра иранской провинции Хорасан формы типа *derân merân* («они сейчас идут/уходят») являются часто употребляемыми. Они широко представлены и в рассказах бытового содержания на этом говоре, записанных с использованием арабской графики: *یره مره* — «он идет», *داشت بیاده مُشَد* — «он выходил из машины/автобуса», *مؤ که چشمام داشت از حدقه*, *مزد بیرون* — «мои глаза [от удивления] вылезали из орбит», *داشتم خفه مُشَدَم* — «я задышался [от жары]»¹².

Знаменательно то обстоятельство, что эти формы, употребительные в многочисленных юго-западных и других иранских диалектах на территории современного Ирана, отсутствуют в диалектах, близкородственных персидским, за пределами данной страны. Даже в тех, что распространены в Северо-Западном Афганистане, таких как гератский, которые представляют собой продолжение единого хорасанского массива персидских диалектов, они отсутствуют. Не отмечены эти конструкции и в го-

⁹ Полная парадигма данных форм в говорах зороастрийцев представлена в книге: Основы иранского языкознания 1997: 320.

¹⁰ Транскрипция слегка изменена.

¹¹ Ср.: “Common to colloquial speech all over Persia is the use of the verb *dâshtan*, in the Present tense for an action in progress: *dârâ muknâ* — he is now doing”. Обращает на себя внимание, что В.А. Иванов отмечает лишь формы настоящего времени.

¹² Рассказы, из которых почерпнуты эти примеры, представлены на интернет-сайте: <http://www.bechemashad.blogfa.com/category/2/>.

ворах татов Кавказа. Таким образом, можно заключить, что использование данных глагольных времен с глаголом *dāštān* «иметь» (в разных фонетических вариантах) представляет собой *исключительную* черту ареала персидских и других западноиранских диалектов, бытующих именно на территории современного Ирана, т.е. изоглоссу, *выделяющую* эти диалекты из более широкого массива иранских языков и диалектов, в том числе из континуума диалектов близкородственных языков юго-западной подгруппы — персидского, дари и таджикского.

Формы эти, как уже отмечалось, рассматриваются в соответствующей литературе как *инновационные*. Такое определение представляется оправданным, если под «инновацией» в данном случае понимать то обстоятельство, что они появились в персидском языке и в его диалектах позже других употребительных в них ныне времен, хотя на сегодняшний день невозможно установить, насколько «поздно» они стали использоваться в языке по сравнению с настояще-будущим и прошедшим длительным временами с глагольным префиксом *mī-* (<*hamē*), которые также не представлены в языке классической персидской литературы. В последнем для выражения настоящего действия употреблялись формы без этого префикса, за которыми в современном языке закрепились функции сослагательного наклонения. То обстоятельство, что времена с *dāštān* не были зафиксированы на письме до конца XIX — начала XX в., не может служить аргументом в пользу их отсутствия, если учесть крайний консерватизм литературного и официального персидского языка в средние века и в эпоху Каджаров, никак не отражавшего тенденций разговорной речи, до робких попыток «демократизации» персидской словесности в первой половине XX в. С другой стороны, тот факт, что формы эти зафиксированы в материалах европейских исследователей с начала 80-х годов XIX в. (т.е. на заре диалектологических изысканий) в самых разных диалектах, свидетельствует о том, что они существовали в языке и ранее этого времени. В противном случае они не смогли бы получить такого быстрого распространения и укорениться в речи столь широких слоев населения, говоривших на разных социальных и территориальных диалектах, особенно в условиях Персии XIX в., где преобладало неграмотное население.

Иными словами, вполне логично допустить, что на момент их письменной фиксации данные формы могли существовать в разговорном языке уже не одно столетие. При этом нельзя отрицать и того обстоятельства, что их распространению (но не изначальному возникновению) могли в определенной мере поспособствовать и взаимовлияние диалектов, и некий общий наддиалектный разговорный стандарт (койне), наслаивающийся в каждом регионе на местный говор и приобретающий локальные диалектные черты. Влияние такого стандарта особенно заметно в городах и центрах областей. Возможно, этим и объясняется тот факт, что интересующие нас формы более свойственны говорам городов (от Тегерана до Кермана и от Шираза до Мешхеда), чем сельских населенных пунктов, хотя и в последних они тоже зафиксированы. Но, как уже отмечалось выше, ошибочно было бы объяснять появление какой-либо грамматической формы или категории в речи носителей диалекта исключительно их желанием «подражать» кому-либо или какому-либо стандарту. Взаимодействие между наддиалектным стандартом и местными говорами есть значительно более сложный и органичный процесс, включающий в себя взаимообогащение и усвоение территориальными диалектами каких-то общих, присущих всей совокупности диалектов ареала черт, которые, попадая на почву отдельного говора, становятся его неотъемлемой частью.

Формы эти или аналогичные им должны были возникнуть в языке в любом случае, так как они занимают важную нишу в системе глагола — средства выражения теку-

шего действия на момент речи в настоящем или в определенный момент времени в прошлом, и тем восполняют очевидный пробел в наборе грамматических возможностей выражения этого вида действия. То, что без них этот пробел бы сохранялся, подтверждается не только появлением соответствующих по значению форм в дари и таджикском (см. выше), но и возникновением альтернативных способов выражения такого действия в некоторых иранских языках и диалектах на территории Ирана, например, в гилянском, ларском и бандари, что отражает объективную общую потребность в их существовании.

В гилянском языке длительные процессуальные формы образуются сочетанием инфинитива смыслового глагола с личной формой недостаточного глагола «находиться, пребывать», внешне очень схожего с глаголом «иметь»: *nivištān dārām* — «я пишу», *nivištān dāri* — «ты пишешь», *nivištān dārā* — «он, она пишет» и т.п. При этом прошедшее время представлено двумя разновидностями: *nivištān dārā bum/nivištān dubum* — «я писал», *nivištān dārā bim/nivištān dibim* — «мы писали», *nivištān dārā bid/nivištān dibid* — «вы писали» и т.п. (см.: Основы иранского языкознания 1982: 538).

В ларском языке/диалекте формы с тем же значением образуются от инфинитива удлинением конечного гласного а, превербом *a-* и личными окончаниями: *a-dedā-y* — «он видит», *a-gotā-en ke* — «говорят, что...» и т.п. (Там же: 433)¹³. М.С. Пелевин фиксирует аналогичные конструкции, образуемые от причастия прошедшего времени посредством префикса *a-* и личных окончаний, и в диалекте бандари Южного Ирана: *me kār akerdum* — «я сейчас работаю» (Пелевин 1998: 116).

Отметив, что попытки обнаружить источник подобных конструкций с глаголом «иметь» в древне- и среднеиранских, равно как и в иностранных, языках оказались неудачными, Н. Нематоллахи выдвигает в своей статье гипотезу их возможного происхождения на почве собственно персидского языка. И хотя гипотеза эта не лишена изъянов и может вызывать вопросы (см. ниже), лежащая в ее основе идея о том, что данные временные формы явились следствием естественной эволюции лексических и грамматических средств самого персидского языка и дальнейшего раскрытия их потенциала, представляет собой определенное достижение.

Н. Нематоллахи обращает внимание на то, что отличительной чертой этих конструкций, помимо использования конкретного вспомогательного глагола («иметь»), выступает употребление личных (т.е. изменяемых по лицам и числам) форм как вспомогательного, так и смыслового глагола. Эта особенность, считает данный автор, отличает их от результативных (т.е. перфектных) времен, при образовании которых спрягается лишь вспомогательный глагол¹⁴ либо предикативная связка, и от конструкций с усеченным инфинитивом (Nematollahi 2015: 110).

Н. Нематоллахи выдвигает гипотезу о возможной связи между интересующими нас формами и так называемыми «серийными глагольными конструкциями» (Serial Verb Constructions), в которых представлена последовательность из двух или более глаголов, функционирующих как единый предикат и описывающих единое событие, а конкретно, сочетаниями глагола *bār-dāštān* с другим, из которых первый выражает нечто вроде приступа к действию, аналогично сочетаниям с глаголом «взять» в русском языке: «Я взял и сказал...» и т.п. Н. Нематоллахи приводит примеры из персид-

¹³ Ср. также: Ромаскевич 1945: 50.

¹⁴ В этом же, как отмечали мы в начале статьи, состоит отличие конструкций с глаголом «иметь» в персидском языке и от аналогичных по грамматическому значению длительных процессуальных форм в дари и таджикском.

ского языка: *bär-dârim berävîm...* — «давайте пойдём...», *in bud ke ânâhâ... bär-dâštând telegrâf kârdând* — «тогда они... взяли и телеграфировали», *be fâringihâ nâguyid ke bär-dârând... benevisând* — «не говорите иностранцам, а то они возьмут... и напишут» и т.п. (Там же: 111–112)¹⁵. Н. Нематоллахи предполагает, что в процессе грамматикализации этой сериальной глагольной конструкции с *bär-dâštân* последний мог утратить преверб *bär-*, приняв сокращенный вид: *dâštân*. К изначальной его семантике — указание на предстоящее действие — могла прибавиться другая, впоследствии закрепившаяся за данными формами в качестве основной их функции, — выражение действия в процессе его совершения (Nematollahi 2015: 112).

К числу изъянов описанной выше теории, которая, несомненно, имеет право на существование в качестве гипотезы, особенно за неимением альтернативных, более убедительных, можно, по нашему мнению, отнести два обстоятельства. Если формы с *dâštân* восходят к сериальной глагольной конструкции с *bär-dâštân*, то как объяснить их употребление в тех иранских языках или диалектах (например, северо-западных, см. выше), в которых глагол *bär-dâštân* отсутствует или не имеет значения приступа к действию? Среди приведенных Н. Нематоллахи персидских примеров преобладают фразы с глаголом *bär-dâštân* в повелительном и сослагательном наклонениях: *bär-dârim berävîm...*, *bär-dârând... benevisând*. Как объяснить в свете выдвинутой ею гипотезы, что длительные процессуальные формы с *dâštân* употребляются исключительно в изъявительном наклонении?

В заключение подведем итог рассмотренным выше положениям. Использование интересующих нас времен (конструкций) с глаголом *dâštân* («иметь») в разных диалектных и фонетических вариантах представляет собой исключительную особенность массива персидских и некоторых других западноиранских диалектов, распространение которых ограничено территорией современного Ирана. Данные временные формы явились следствием естественной эволюции лексических и грамматических средств выражения самого персидского языка, и их возникновение не может быть объяснено «влиянием иностранных языков». Как неотъемлемая и органичная часть персидской глагольной системы указанные конструкции заполняют важную грамматическую нишу — средства выражения действия, протекающего в данный момент времени в настоящем или в определенный момент времени в прошлом. Эти формы распространены внутри всего географического ареала персидских и других западноиранских диалектов Северного, Центрального, Южного и Восточного Ирана¹⁶.

Литература

- Жуковский 1888 — Жуковский В.А. Особенное значение глагола داشتن в персидском разговорном языке // ЗВОРАО. Т. 3. Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. Наук, 1888. С. 376–377.
 Жуковский 1902 — Жуковский В.А. Образцы персидского народного творчества. СПб.: Типолит. И. Бораганского и К°, 1902.

¹⁵ Транскрипция изменена, перевод наш.

¹⁶ Мы не упоминаем здесь Западный Иран, так как на большей его части преобладают тюркские, курдский и арабский языки. В курдском, как любезно сообщила нам ведущий российский курдовед-лингвист — З.А. Юсупова, подобные формы отсутствуют. Говоря о «Восточном» Иране, следовало бы прежде всего указать северо-восточную его часть — провинцию Хорасан, так как данными по систанскому диалекту, бытующему южнее хорасанских говоров, мы не располагаем. В белуджском же языке, распространенном на юго-востоке Ирана, указанные формы исследователями не отмечены.

- Основы иранского языкознания 1982 — Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. М.: Наука, 1982.
- Основы иранского языкознания 1997 — Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: северо-западная группа II. М.: Восточная литература, 1997.
- Пейсиков 1960 — *Пейсиков Л.С.* Тегеранский диалект. М.: Издательство ИМО, 1960.
- Пелевин 1998 — *Пелевин М.С.* Диалект бандари Южного Ирана // Страны и народы Востока. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1998. Вып. XXX. С. 305–310.
- Розенфельд 1948 — *Розенфельд А.З.* Вспомогательная функция глагола *dāštan* в персидском языке // Советское востоковедение. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948. Т. 5. С. 305–312.
- Ромаскевич 1945 — *Ромаскевич А.А.* Лар и его диалект // Иранские языки, № I. М.; Л.: Издательство Академии наук, 1945. С. 31–86.
- Фархади 1974 — *Фархади [А.]Р.* Разговорный фарси в Афганистане / Пер. Б.Я. Островского. М.: Наука, 1974.
- Abrahamian 1936 — *Abrahamian R.* Dialectes des Israélites de Hamadan et d'Ispahan et dialecte de Baba Tahir. Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient, 1936.
- Ivanow 1935 — *Ivanow W.* The Gabri Dialect Spoken by the Zoroastrians of Persia // *Rivista degli studi orientali*. Roma: Tipografo della R. Accademia d'Italia, 1935. Vol. 16. P. 31–97.
- Ivanow 1925 — *Ivanow W.* Rustic Poetry in the Dialect of Khorasan // *Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal*. N.S. 21. Calcutta: Asiatic Society of Bengal, 1925. P. 233–313.
- Nematollahi 2015 — *Nematollahi N.* Development of the Progressive Construction in Modern Persian // *Proceedings of the 1st Conference on Central Asian Languages and Linguistics (ConCALL)*. 2015. Vol. 1. P. 102–113.
- Rezaee 1998 — *Rezaee J.* Barresi-ye Guyesh-e Birjand: Vâjshenâsi-Dastur. Be Ehtemâm-e M. Rafi'i. [Tehran]: Hirmand, 1998.

References

- Abrahamian, Rouben. *Dialectes des Israélites de Hamadan et d'Ispahan et dialecte de Baba Tahir*. Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient, 1936 (in French).
- Farhadi A.R. *Razgovornyi farsi v Afganistane* [Colloquial Persian as Spoken in Afghanistan]. Translated from the French by B.Y. Ostrovskii. Moscow: Nauka, 1974 (in Russian).
- Ivanow, Vladimir. "Rustic Poetry in the Dialect of Khorasan". *Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal*, N.S. 21. Calcutta: Asiatic Society of Bengal, 1925, pp. 233–313 (in English).
- Ivanow, Vladimir. "The Gabri Dialect Spoken by the Zoroastrians of Persia". *Rivista degli studi orientali*, vol. 16. Roma: Tipografo della R. Accademia d'Italia, 1935, pp. 31–97 (in English).
- Nematollahi N. "Development of the Progressive Construction in Modern Persian". *Proceedings of the 1st Conference on Central Asian Languages and Linguistics (ConCALL)*, vol. 1, 2015, pp. 102–113 (in English).
- Osnovy iranskogo iazykoznaniiia. Novoiranskie iazyki: Severo-zapadnaia grupa II* [The Basics of Iranian Linguistics. New Iranian languages II. North-Western Group]. Moscow: Vostochnaia Literatura, 1997 (in Russian).
- Osnovy iranskogo iazykoznaniiia. Novoiranskie iazyki: Zapadnaia grupa* [The Basics of Iranian Linguistics. New Iranian Languages. Western Group]. Moscow: Nauka, 1982, pp. 231–286 (in Russian).
- Peisikov L.S. *Tegeranskii Dialect* [The Tehrani Dialect]. Moscow: IMO, 1960 (in Russian).
- Pelevin M.S. "Dialect Bandari Yuzhnogo Irana" [The Bandari Dialect of Southern Iran]. *Strani i narody Vostoka*, vol. XXX. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1998, pp. 305–310 (in Russian).
- Rezaee J. *Barresi-ye Guyesh-e Birjand: Vâjshenâsi-Dastur* [A Study of the Dialect of Birjand: Phonology-Grammar]. Be Ehtemâm-e M. Rafi'i. [Tehran]: Hirmand, 1998 (in Persian).
- Romaskevitch A.A. "Lar i ego Dialect" [Lar and Its Dialect]. In: *Iranskie iazyki*, 1. Moscow-Leningrad: Izdatelstvo Academii nauk, 1945, pp. 31–86 (in Russian).

- Rosenfeld A.Z. “Vspomogatelnaia funktsiia glagola dāštan v persidskom iazyke” [An Auxiliary Function of the Verb *dāštan* in Persian]. *Sovetskoe Vostokovedenie*, [vol.] 5. Moscow–Leningrad: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR, 1948, pp. 305–312 (in Russian).
- Zhukovskii V.A. *Obraztsi persidskogo narodnogo tvorchestva* [Samples of Persian Folk Art]. St. Petersburg: Tipographia I. Boraganskii & K^o, 1902 (in Russian).
- Zhukovskii V.A. Osobnoe znachenie glagola دداشتن v Persidskom razgovornom iazyke [The Special Meaning of the Verb دداشتن in Modern Persian]. *ZVORAO*, vol. 3. St. Petersburg: Tipografia Imperatorskoi Akademii Nauk, 1888, pp. 376–377 (in Russian).

The Continuous Tense with the Verb “To Have” as a Peculiar and Exclusive Feature of Western Iranian Dialects Spoken in Modern Iran

(Pis'mennye pamyatniki Vostoka, 2017, volume 14, no. 3 (issue 30), pp. 44–53)
Received 26.02.2017.

Youli A. Ioannesyan

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

The article considers the verb forms with the auxiliary verb “to have” used in Persian and other western Iranian dialects of modern Iran to express a continuous action taking place at the moment of speech in present or at a certain moment in the past. Drawing upon extensive material collected from a large number of dialects, the author proves that the geographic area within which these forms are found is limited to the territory of modern Iran, which makes them a distinguishing and exclusive feature of Western Iranian (Persian and non-Persian alike) dialects spoken in modern Iran. The author supports the idea that these verb forms are completely “native” to the linguistic area they are found in and, therefore, despite the viewpoint of some scholars, could not have originated under the influence of Western or any other foreign languages.

Key words: Persian language, Persian dialectology, Iranian dialectology.

About the author:

Youli A. Ioannesyan, Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher of the Department of Middle Eastern and Near Eastern Studies, IOM RAS (youli19@gmail.com).